

ШТУРМ БЕЛОГО РАСТА

Батальон моряков прибыл на фронт под Москву. Старшина 2-й статьи Федоров был помощником командира взвода. Моряки быстро освоились с трудностями «сухопутной» войны.

С группой краснофлотцев Федоров ходил в разведку и был ранен пулей в голову. Моряки вытащили своего командира из-под обстрела и принесли в санроту. Федоров пробыл там два дня. На третий день он явился с забинтованной головой в свою часть.

— Ты скажи мне по-честному: удрал из санроты? — спросил лейтенант.

— Нет. Ей-богу, нет, товарищ лейтенант. Отпустили.

— Отпустили? Давай записку от врача.

— Я потерял ее, товарищ лейтенант.

— Хорошо. Я поверю, если ты дашь мне честное комсомольское слово.

Такого слова комсомолец Федоров не дал и стал оправдываться:

— Да вы посудите, товарищ лейтенант, через десять дней все заживет. Касательное ранение, царапина...

Готовилось наступление на сильно укрепленный узел сопротивления немцев. Немцы засели в селе Белый Раст, и моряки готовились к внезапной ночной атаке.

За лесом горела деревня, и снег в поле, отражая зарево, казался розовым. Белый Раст стоял на пригорке, как раз в центре этого розового поля. Подходы к нему хорошо простреливались из крайних домов и особенно с колокольни. На окраине села, по сведениям разведки, стояли танки. Численно противник превосходил моряков. Бой должен был быть жарким и жестоким. Об этом знали все — от командира бригады до каждого краснофлотца.

Взвод автоматчиков, состоявший из комсомольцев-добровольцев, в белых маскировочных халатах выступил с заданием проникнуть в тыл и наделать там побольше шума.

Федоров с завистью смотрел им вслед. Не будь этого «касательного», он повел бы этот отряд.

— Формальность сплошная, — ворчал он. — Ведь я же действительно легко ранен. Только каску нельзя надеть да вот кашлять больно.

Федоров достал из мешка маскировочный халат и старательно надел его так, чтобы удобно было двигаться.

Ему казалось просто неестественным, что он останется здесь, в лесу, когда его товарищи пойдут в атаку. Он подыскивал оправдание на случай встречи в бою с лейтенантом.

Из села через каждые десять минут в ночное небо взвивалась осветительная ракета, и тогда поле освещалось ярким голубым светом.

Вдруг ряды краснофлотцев зашевелились, и все роты одновременно вышли из леса и, быстро рассыпавшись, пошли к селу. Темные фигуры хорошо были видны на снегу даже без осветительных ракет, но немцы молчали.

«Подпускают ближе», решил Федоров, но тут же догадался: подпускать ближе было не в привычке немцев; просто немцы еще не заметили моряков на темном фоне леса, из которого они вышли. Командиры рот старались как можно ближе продвинуться к селу, пока молчали немецкие пулеметы и минометы.

Но вот взвилась в небо еще одна ракета. Краснофлотцы с ходу попадали в снег, и, пока ракета освещала поле (Федорову показалось, что она висела в небе бесконечно долго), моряки лежали не шевелясь.

Не прошло и минуты, как застучал немецкий пулемет, и светящиеся нити трассирующих пуль протянулись над полем. С опушки леса ответили наши станковые пулеметы. Рядом с Федоровым кашлянул звенящим, металлическим кашлем миномет, и мина, взвизгнув, как придушенный поросенок, полетела к Белому Расту.

Федоров больше не раздумывал. Он выскочил из леса. Пробежав сотню шагов, упал и пополз на четвереньках, энергично работая руками и ногами. Ему хотелось поскорее догнать свой взвод, который уже приближался к селу.

Из Белого Раста бил уже не один пулемет, а, наверно, целый десяток. Пулеметам вторили автоматы и минометы. Одна мина разорвалась совсем близко от Федорова. В лицо ударило упругим горячим воздухом, засыпало комками снега и мерзлой земли. Один комок задел бинт, и повязка съехала набок. Федоров от боли вскрикнул и прикусил себе губу. Надо было бы перевязать рану, остановить кровотечение. Он схватился за противогаз, но вспомнил, что там нет индивидуального пакета.

— А, черт!.. — выругался он зло и стал смотреть по сторонам.

Немецкие пулеметы били перекрестным огнем, и над полем, по которому перебегали и переползали моряки, висела огненная сетка. Но люди не останавливались и шли вперед. Роты накапливались в небольшой ложбинке у самого села для атаки. Позади чернели воронки от разрывов мин и одинокие фигуры бойцов. Убитые и тяжело раненные оставались на месте, легко раненные медленно ползли обратно к лесу.

В это время сквозь пулеметную трескотню он услышал голос лейтенанта:

— За родину! За Сталина! Вперед! Ура!..

Сотни голосов закричали «ура», перекрывая грохот разрывов.

«В атаку пошли, прозевал!» подумал Федоров.

Он не мог бежать быстро и отстал.

Немцы, отступив в глубь села, жгли крайние избы.

Деревянные постройки полыхали огромными кострами, освещая все поле. Хорошо был виден танк, зарытый в землю на середине улицы. Танк бил из пушки по нашим цепям и непрерывно, очередь за очередью, строчил из пулемета. За танком прятались автоматчики, прикрывая отступление немецких солдат на другой конец села, за церковь.

Федоров только подумал, что хорошо бы подойти к танку поближе да запустить в него противотанковой гранатой, как раздался один за другим три взрыва. Под танком и сбоку от него взвились столбы дыма и пламени. Танк встал на дыбы, выкорчеванный взрывами из ямы. Не успел ветер отнести в сторону дым, как к танку подбежала группа краснофлотцев, словно из-под земли выросших.

— Ура! — закричали в цепи, и моряки ворвались в Белый Раст.

Когда Федоров добежал до исковерканного танка, уличный бой шел уже у церкви. Морякам приходилось выбивать немцев из каждой избы. Автоматчики прятались в подвалах и на чердаках. Они стреляли из окон и проломов в крышах. Посредине улицы нельзя было ни пройти, ни проползти. Немцы засели за церковной оградой, в самой церкви и на колокольне. Они били вдоль улицы, поднимая пулями снежную метель. Их защищали от наших пуль и мин толстые кирпичные стены.

И все же моряки, отбивая дом за домом, упорно двигались вперед. Рвались брошенные в окна гранаты. В избы врывались моряки и прикалывали штыками засевших там фашистов.

Группа краснофлотцев выкатила из-за угла дома отбитую у немцев пушку, и кто-то из комендоров стал стрелять из нее прямой наводкой по ограде и колокольне.

— Молодцы! Молодцы, комендоры! Еще, еще разок по окнам! Крой же, Голушко, крой, голубчик! — кричал Федоров.

Он узнал Голушко, комендора Голушко, страстно мечтавшего добыть немецкую пушку и из нее пальнуть по немцам же!

Федоров хотел перебежать к Голушко, как вдруг почувствовал, что кто-то схватил его за плечи. Он обернулся. Перед ним стоял лейтенант. Он ничего не говорил, а только пристально смотрел прямо в глаза Федорову.

— Герой! Сейчас же найди санитаря и перевяжись...

Федоров обрадовался.

— Есть! — крикнул он и побежал за хату.

Санинструктор перевязал Федорова широким бинтом.

— Теперь не соскочит?

— Если не будешь ходить на голове, не соскочит. В санроте лучше перевяжут.

— Где? В санроте? Спасибо! Я уже там был! — крикнул Федоров и побежал догонять лейтенанта. Он уже не боялся его теперь.

Комендор Голушко своего добился. Часть немцев навсегда осталась в церковной ограде, часть — на колокольне, а остальные бежали, бросив пулеметы и автоматы. Голушко перетащил трофейную пушку на новую позицию и открыл огонь вдоль дороги, по которой немцы старались увезти из Белого Раста свои машины и два оставшихся танка. Снарядов оставалось мало, и Голушко целился тщательно.

— Эй, вшивые! — кричал он. — Получайте, що нам готували!

Пушка подпрыгивала после выстрела, как жаба, а на дороге машина разлеталась в щепки.

— По танкам, по танкам бей! — кричали ему краснофлотцы.

— Та и по танкам! — крикнул комендор, прицелился и дернул за веревку. Передний танк взвился на дыбы, как норовистая лошадь, и тяжело упал набок.

— Ура-а-а-а! — закричали моряки. — Ура, Голушко!

Последним снарядом Голушко подбил второй танк. Наверно, он перебил ему гусеницу. Танк повернулся на месте и стал, загородив дорогу машинам.

Село было уже в руках моряков. И только в крайнем каменном доме сидели автоматчики, прикрывая огнем дорогу, на которой теснились войска и обозы.

Дом стоял на отлете. Забросить гранату в окна с такого расстояния трудно.

— Ще бы пяток снарядиков, або хоть три... Я б им указав, де у ракив зимняя хватера буває! — чуть не плача, говорил Голушко.

— Противотанковую бы сунуть им в окошко, да разве подползешь?.. — сказал кто-то из краснофлотцев.

— А можно подползти, — тихо сказал Федоров.

— Ни, невозможно. Пидстрелят, як зайця!

— Нет, возможно. По канаве, за дорогой!

— Та ни! Пидползти, може, и пидползете, да як вы тилько голову пиднимете, воны зараз пидстрелят.

Но Федоров уже не слушал возражений.

— Добавьте-ка мне пару гранат. Лучше противотанковых. Они могут достать меня только с крыши, не пускайте их на чердак.

— Есть! «Максимку» сюда! — крикнул кто-то.

На салазках подтащили пулемет и обстреляли железную крышу дома. Федоров прикрепил к поясу еще две гранаты и скользнул в канаву. Немцы заметили смельчака и открыли огонь. Пули взбивали снежную пыль, но канава в этом месте была достаточно глубокая, и Федоров был в безопасности. Медленно, головой врываясь в снег, он стал пробираться к дому.

— А тоже упорные, не сдаются, — сказал один из моряков, стреляя по окнам дома.

Награжденный медалью «За отвагу» старший лейтенант комсомолец Невзоров в засаде.

— Да це ни упорство. Це ж вони сами в свою ловушку попали! Куда им тикаты! Все одно усих порешим. Чуют, собаки, що кинеш пидходэ, ось и гавкають! Хлопцы! Снарядить и мини парочку...

— Чего парочку?

— Та тих, противотанковых. Коли ж вин нэ доползэ, так тоди я... Федоров не видел, что сзади него ползет еще один моряк.

«Только бы не попали сейчас, только бы к дому подползти...» думал Федоров.

Он боялся одного места, где канава была совсем мелкая. Хорошо, если это только снежный сугроб и можно проползти под снегом. А если... тогда не проползти. Тогда все пропало. Вот уже совсем близко это место... Только бы это был сугроб!.. Еще пять метров, еще три, два...

Голушко тоже видел опасное место.

«Если вин нэ проползе, то я и подавно. Я против его, як бугай перед козой!»

Голушко догнал Федорова и дернул его за халат.

— Стий, друже, стий! Дальше дороги нема. Як тилько услышишь разрыв, тоди швыдко стрибай на ту сторону...

Федоров сразу понял план Голушко. Он подобрался и стал ждать, готовый к прыжку.

Голушко отцепил гранату, вырвал чеку и, сжимая рукоятку в своем огромном кулаке, чуть приподнявшись, искал глазами, куда выгодней всего было ее бросить.

«Кабы пид самые окна докинуть, — думал он. — А може, и докину? Це если б стоя, так я бы...»

Голушко оглянулся назад, проверяя, не зацепит ли он за край канавы, набрал полную грудь воздуха и швырнул гранату.

Тяжелая противотанковая граната, кувыркаясь в воздухе, описав дугу, упала, не долетев до стены нескольких метров. Голушко вскрикнул. Швырнув гранату, он не сразу опустил руку, и две пули впились в нее, как разъяренные осы.

— А будь ты неладна! — крикнул Голушко, но его слова заглушил грохот разрыва.

Туча из снега, земли, дыма и пламени заволкла содрогнувшийся дом. Захлебнувшись, умолкли сразу все немецкие автоматы. Федоров, не упуская момента, не дожидаясь, пока попадают на землю комья мерзлой земли, выброшенные в воздух взрывом, вскочил и, перепрыгнув через сугроб, снова пополз вперед.

Лейтенант первый закричал «ура», и все подхватили крик и еще яростнее стали бить из винтовок и пулеметов по крыше и окнам дома.

Федорова подбодрили крики товарищей, и он, забывая об осторожности, продолжал ползти вперед. Это чуть не стоило ему жизни. Фашисты, очнувшись и поняв, что их перехитрили, стали палить еще яростней. Автоматы трещали не умолкая, из окон полетели гранаты. Они рвались то перед канавой, то за ней. Все сливалось в грохоте и свисте. Комья земли били Федорова по голове, пули иссекли халат на его спине. Одна, а может, и две пули задели тело, рубашка намокла и прилипла к спине.

«Еще, еще немножко... Это чепуха, опять касательное... Ну, еще немного...» думал Федоров, наметив перед собой удобное место, откуда можно было швырнуть гранату в окно.

Он дополз до этого места и застыл, собираясь с силами. В эту минуту, пока все было неподвижно в канаве, товарищи думали, что Федоров убит.

Немного отдышавшись, Федоров стал готовить гранаты. Как и Голушко, он выбрал удобное положение, вырвал чеку и, на секунду выглянув, швырнул гранату. Она взорвалась от удара в стену под самыми окнами.

Снова замолкли автоматы. Федоров вырвал чеку из второй гранаты и хотел ее швырнуть, но из-за снежной пыли, поднятой взрывом, он ничего не видел. Немцы знали, что если они не покончат с этим русским человеком, презирающим смерть, им придет конец. Еще не рассеялся дым, а они уже открыли шквальную стрельбу.

Федоров метнул вторую гранату. Она, как и первая, взорвалась, не попав в окно, но завалила простенок между окнами. Теперь попасть

Бронепоезда — грозная сила Красной Армии. В битве за Москву и на защите Ленинграда, в героической обороне Одессы и Севастополя, в наступательных боях на Западном фронте сеяли они смерть в рядах немецких оккупантов.

было легче. Случайно Федоров взглянул вправо, в ту сторону, куда отступили немцы, и увидел, что они выходили из лесу, готовясь к контратаке. Медлить было нельзя больше ни минуты. Но и промахнуться было тоже нельзя — последняя граната.

«Больше наугад бросать не буду», решил Федоров.

Он выбрал в снегу удобные ямки, чтобы упереться коленями, привстал на четвереньки, зажал гранату в руке и вырвал чеку. Федоров думал в эту минуту только о том, чтобы не промазать. Он не думал, что совершает подвиг, что, может быть, сейчас придется умереть. Важно было одно — не промахнуться!

Он оттолкнулся руками, встал во весь рост, сильно, но плавно замахнулся и швырнул гранату.

Разрыва он не слышал, не слышал и грозного «ура», не слышал топота сотен ног моряков, бросившихся по очищенной им дороге навстречу врагу. Он лежал, раскинув широко руки, на черном снегу, и на груди его на белом халате, как боевые ордена за подвиг, поплыли темные пятна крови.

Первым к нему подполз Голушко. Он уткнулся лицом в халат друга и заплакал навзрыд.

На минуту у своего помощника задержался лейтенант. Он растегнул его шинель и достал из кармана на груди комсомольский билет. Лейтенант стал на колени, крепко поцеловал Федорова в губы и, вскочив, побежал вперед. За ним побежали краснофлотцы.